

ГОРОДСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

УДК 316.334.56

Научная статья

Сергеева Ольга Вячеславовна✉

д-р социол. наук, ведущий научный сотрудник сектора социоурбанистики, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14;
ORCID: 0000-0002-8093-609X; e-mail: o.sergeeva@socinst.ru

ПОСЕЩЕНИЕ ЗАБРОШЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИЙ

В статье с позиций исследования эмоций интерпретируется практика посещения заброшенных объектов и оставленных человеком пространств. Предварительно автор характеризует теоретический задел по теме, который сконцентрирован вокруг таких понятий, как «темный туризм», «глубинный туризм», «экологический туризм», «сталкерство». Говоря об эмоциях «заброшки», автор объясняет связь между интересом к руинам и ностальгией, всегда имеющей не только темпоральное, но и пространственное измерение. Ностальгия вблизи разрушающихся объектов может быть рефлексивной и включаться в более широкий дискурс о травме, неудавшихся реформах и кризисах. Стремление испытать острые ощущения, находясь на территориях тлена и упадка, — еще один эмоционально укорененный мотив «туризма катастроф». Ландшафты заброшенности наполнены очарованием антипрогресса, они способны шокировать, но именно это и притягивает современных жителей мегаполисов. По мнению автора статьи, дискуссия о руинизированных территориях, в том числе в перспективе эмоций, представляет одно из актуальных направлений в городских исследованиях, поддерживая поворот к изучению города как симбиоза разнообразных субъектов и мест.

Ключевые слова: руины, эмоции, городская скука, «темный» туризм, психогеография, ностальгия, эстетика безобразного, «ржавый пояс».

Для цитирования: Сергеева О. В. Посещение заброшенных пространств в перспективе исследования эмоций // Социология города. 2022. № 1-2. С. 5—14. DOI: 10.35211/19943520_2022_1-2_5

Введение

На палитре эмоций современного человека есть скопление переживаний под названием «городская скука». Такого рода скука порождается, по видимому, регламентацией городской среды обитания и замкнутостью горожан в стенах редко меняющегося ландшафта. Воздействие окружающей среды на эмоции начинает осмысляться с середины XX в. (Щеглов, 1999) и находит отражение в термине «психогеография», впервые использованном Г. Дебором (Дебор, 2003). Считается, что воплощение психогеографического мышления в виде дрейфа, практиковавшегося ситуационистами, отошло на второй план, и сегодня психогеография чаще существует как писательский прием для передачи эмоций читателю через рассказ о различных пространствах¹. Вместе с тем развитие аффективной тематики в исследованиях города в текущем десятилетии стало устойчивым трендом. Публикуются работы по средовой психологии (Эллард, 2017), эмоциональной географии (Emotional Geographies, 2016), антропологии и социологии городских эмоций (Желнина, 2019; Ненько, Курилова, Подкорытова, 2020), нейроурбанизму (Adli et al., 2017) и т. д.

Включаясь в эмоциональный поворот дебатов о городе, в данном тексте я предлагаю рассмотреть аффективные аспекты увлечения «заброшкой», т. е. походы на руинизированные объекты и территории. До периода нескольких последних десятилетий разрушающиеся постройки виделись частной проблемой специалистов-археологов и, возможно, строителей и архитекторов. Сегодня же оформилось увлечение тех, кто стремится посещать и популяризировать через фото и видео оставленные людьми пространства. Например, поиск в соцсети «ВКонтакте» по слову «заброшка» дает больше тысячи ссылок на сообщества. Поэтому вполне понятно, что и у исследователей уже есть некоторый задел в разработке темы путешествий по таким местам.

Наиболее укоренившиеся тематические интерпретации путешествий к руинам соотносятся с понятиями «темный туризм», «глубинный туризм», «экологический туризм», «сталкерство». Отечественные работы в этом направлении часто связаны с анализом новых трендов в туристической практике и, как правило, касаются проблем молодежных субкультур (Каменский, 2008; Минина, 2016). При этом отказ от комфорта в пользу риска и испытания дорогой подталкивает авторов, изучающих такой опыт, к аналогиям с турпоходами советских десятилетий, а через них — к размышлениям об универсальности современных эскапистских настроений. Предполагается, что начиная с середины XX в. условия города (в одном случае — капиталистический мегаполис и общество потребления, в другом — идеологический официоз советских социальных институтов) вызвали к жизни поиск романтики и подлинных эмоций в пространствах, понимаемых как радикально иные (Парийчук, 2011).

Англоязычные публикации, в которых можно встретить разбор кейсов о путешествиях к заброшенным местам, тематически находятся на пересечении вопросов экотуризма и так называемого «темного» туризма. Экотуризм, или

¹Шубин Ю. В. Психогеография: путешествие одной исследовательской оптики. Режим доступа: <https://gorod.hse.ru/sourban/news/403673455.html>.

посещение как можно менее окультуренных природных ландшафтов, воплощает эволюцию западного туризма от его преимущественно пассивно-потребительской роли до попытки соответствовать парадигме устойчивого развития (Dorsey, Steeves, Porras, 2015). Сложилась даже критика поверхностного экотуризма (shallow ecotourism), когда путешественники нацелены получить все блага комфорта в как будто нетронутых природных местах, и пропаганда глубинного экотуризма (deep ecotourism), развиваемого на биоцентристских началах помощи природе с отказом от типичных притязаний жителя мегаполиса (Acott, La Trobe, Howard, 1998). А вот «темным» туризмом называется практика посещения бывших полей сражений, кладбищ, мемориалов, мест, где погибли известные люди, или мест заключения (тюрем, концентрационных лагерей). «Темные» направления туризма охватывают широкий спектр маршрутов — от развлекательных туров с привидениями до подвалов инквизиции и мест террористических атак. Исследователи пишут о политических смыслах «темного» туризма, благодаря которым путешественник может сравнивать нарративы о власти и контроле (Foley, Lennon, 1996). Присутствует также мнение о «танатокапитализме» как продаже в виде товара мест смерти и бедствий (Seaton, 1996).

«Темный» туризм и экотуризм пересекаются, когда предпринимаются путешествия к местам индустриальных бедствий, например на Семипалатинский полигон в Казахстане или в украинский город Припять. В таких случаях отчеты о путешествиях могут стать инструментом социальной критики, если их авторы заинтересованы в обнародовании экологических проблем территорий, которые они посещают (Menshikov, Purgina, 2021).

Подводя итог краткого обзора научных публикаций, с разной долей внимания касающихся посещения заброшенных руинизированных пространств, подчеркну, что в данной статье обсуждаются эмоциональные аспекты популярной практики. Этим текстом я развиваю перспективу эмоциональных исследований города, теоретически конструируя комплекс эмоций посетителя «заброшки».

Ностальгия

Основное значение ностальгии связано с необратимостью времени: некоторые явления/вещи остались в прошлом и больше не доступны. Характерное для современных людей чувство темпоральности с его асимметрией прошлого, настоящего и будущего оформилось под влиянием прогрессизма общества модерна, что и превратило ностальгию как тоску по утраченному прошлому в коллективное социальное настроение. Причем в ностальгическом желании темпоральность всегда связана с пространственностью. На пространственное измерение ностальгии указывает исследователь культурной памяти А. Хьюссен: ностальгическая тоска по прошлому всегда есть тоска по другому месту, и ностальгия может быть утопией наоборот (Huysen, 2006: 7). Обветшавшие или разрушенные здания материализуют недоступное прошлое, что делает их особенно мощным триггером для ностальгии.

Для молодых людей, путешествующих по заброшенным объектам, увиденное становится некоторой воображаемой географией, поскольку сами они не имеют опыта жизни в репрезентированной руинами реальности. Резонно

мнение Р. Н. Абрамова о том, что люди новых поколений, оказавшись среди вещей прошлого, воспринимают это как аттракцион погружения в странный мир неизвестной материальности (Абрамов, 2020: 128).

Вообще стоит отметить диапазон ностальгических переживаний рядом с «заброшкой»: это может быть и сентиментальная скорбь по поводу утраты, и критический взгляд на прошлое, так называемая рефлексивная ностальгия. Интерес к заброшенным индустриальным объектам или теряющим жителей местностям становится частью более широкого дискурса о травме, реформах и кризисах. Занимаясь судьбой районов, переживших промышленные катастрофы (или, по выражению автора, «модернистскими пустошами»), историк К. Браун дает еще одно определение ощущениям от руин — рустальгия (*rustalgia*). Это печаль о том, что потеряно, что осталось в прошлом еще и по причине управленческого замалчивания проблемности таких мест. Рустальгия помогает прочувствовать, как поверхностна давняя вера в необходимость вечного экономического роста (Brown, 2015). Путешествие может быть формой осмысления и некоторой лучше понимаемой сборкой исторических событий.

Можно говорить, что сегодня актуальна ностальгия по недавней эпохе, которая еще не утратила своего значения, т. е. распространяется (и не только в России) своеобразная ностальгия по современности как осмысление событий XX в., и часто кодами ностальгии по современности становятся потерявшие значение промышленные и военно-промышленные объекты, считавшиеся авангардом прогрессивных изменений. Фотографии и видео «скелетов» инфраструктур прошлого, которые циркулируют в тематических онлайн-сообществах, олицетворяют ностальгию по промышленной архитектуре эпохи, привязанной к общественной культуре промышленного труда и его политической организации. Мы ностальгируем, видя руины индустриального модерна, потому что они являются знаками культуры, если и не исчезнувшей, то сильно трансформировавшейся в наши дни.

Удивление, страх и эстетика безобразного

У объектов, подвергшихся разрушению и распаду, есть особая эстетика. На рубеже XX—XXI вв. оптимистический образ прогресса, прививавшийся индустриальной цивилизацией, оказался смещен символикой конца истории. Трэш, нойзи, глитч сформировали новые культурные доминанты негативизма. Анализируемое в эмоциональной перспективе посещение «заброшки» предполагает переживание острых ощущений от наблюдения упадка и разложения. Приходящие в такие места как будто приобщаются к потреблению чего-то аморального, вступают в игру дихотомии желания и отвращения.

Феноменологическая трактовка особого трепета, который испытывает человек, оказавшийся в заброшенных местах, дана в работах философа Д. Тригга. В ряде своих работ Д. Тригг сосредоточивается на исследовании онтологической ценности разложения. Заброшенный завод свидетельствует о несостоявшемся настоящем, но также напоминает нам, что будущее может закончиться крахом. По мнению философа, руины вознаграждают нас проничтательностью и раздвигают наши горизонты: заброшенные, разрушающиеся пространства делают наглядными те проекты, от которых будущее общество

отказалось, в то время как музеефицированные места и памятники закрепляют лишь одно историческое повествование. В отличие от реализации политической повестки дня через сохранение памятников руины освобождают нас от уже сформированного определения истории (Trigg, 2006: 238).

Заброшенные места, наполненные ставшими ненужными вещами, работают как подсказки для открытия человеком мира за пределами антропоцена. Об этом пишет, в частности, американский исследователь Д. МакГрат в статье «Апокалипсис, или логика руин позднего антропоцена»: «Постчеловеческий взгляд на модернистские руины напоминает нам, что независимо от того, сколько новых предметов мы производим, потребляем и выбрасываем, эти предметы во многих случаях намного переживут нас и те цели, для которых мы их создаем» (McGrath, 2014: 117). В статье цитируется сторонник плоской онтологии К. Мейясу, поскольку руины демонстрируют хрупкость человеческих проектов и заставляют задуматься, насколько мы не правы, полагая себя и свои цели главными для планеты. Но, по мнению Д. МакГрата, крах грандиозных проектов не должен превращать нас в парализованные жертвы, это, скорее, повод объективно взглянуть на то, что мы сделали, и начать думать о новом отношении к миру.

Можно говорить о некоторых удивительных парадоксах «ржавых поясов», находящихся в разных городах планеты: бывшие когда-то очень нужными, а сегодня «гниющие» инфраструктуры, кажется, противостоят вере общества в антропологическую стойкость. Ответившие здания символизируют неизбежный исторический процесс, которому со временем поддается все существующее. Вместе с тем стремление использовать антураж истории приводит к «переупаковке» старых зданий, когда внутренние пространства и функции разнообразных складов, мастерских, производственных и торговых площадей индустриальной эпохи приспособляются к потребностям современного города.

Например, историк и художник Т. Лэм обращается к индустриальным объектам социалистического Китая, ставшим «ржавым поясом», поскольку они потеряли свое значение в современную эпоху приоритета научных парков и умных городов. В своей книге 2013 г. «Заброшенное будущее: путешествие в постчеловеческий мир» Лэм высказывает мысль, что благодаря вышедшим из строя, поврежденным объектам в каком-то смысле мы уже постапокалиптически (Lam, 2013). Т. Лэм сопоставляет визуальную и сенсорную дихотомию двух феноменов — современных хай-тек-инфраструктур и разрушающихся объектов. Первые символизируют развитие, позитивное настоящее и будущее, вторые представляют собой неудачу и трагическую гибель. Между тем исследователь приводит пример, как эти две различные темпоральности сталкиваются друг с другом: «Возьмем, к примеру, район Хуацяньбэй в Шэньчжэне. В старых заводских зданиях этого района расположено большое количество небольших мастерских и хакерских площадок для проектирования и разработки электронных продуктов. Эти места — независимо от того, считается ли их деятельность подражанием или новаторством — олицетворяют собой сердце и душу репутации Хуацяньбэй как крупнейшего в мире рынка электронных аксессуаров. Но представляют ли эти бывшие фабрики образ стареющей или даже разрушающейся инфраструкту-

ры? Или это перспективные примеры повторного использования и реабилитации?» (Lam, 2019).

Пристрастие к очарованию руинами проанализировано авторами сборника «Порнография разрушения и одержимость распадом» (Ruin Porn..., 2018). Ландшафты заброшенности, как пишет редактор во введении, это новое возвышенное. Если в XVII в. вызывало трепет созерцание горных вершин, то в текущем столетии образы городских руин притягивают внимание фотографов, режиссеров, туристов. Современные руины способны вызывать как отчаяние, так и восхищение или очарование смертью, они дают осязаемый образ той формы, которую она примет. Поскольку возвышенное всегда каким-то образом было знакомо с угрозой смерти, такой ореол вокруг руин неудивителен. Действительно, в образах разрушения и упадка есть что-то от фрейдистского влечения к смерти. Они являются тем, что ужасает, но притягивает взгляд. Помимо этого, руины представляют собой форму путешествия во времени: мы попадаем в будущее наших городов, находясь в настоящем. Желание пережить острые ощущения, в том числе страх, стимулирует коммерциализацию «туризма катастроф». Ужас и смерть стали общепринятыми модами, продаваемыми туристам, у которых есть устойчивый аппетит на катклизмы в человеческой истории. У походов в «темные» места бедствий есть коварные элементы вуайеризма и сенсационности. Путешественники начинают осязать катастрофу, поскольку буквально касаются ее антуража физически, что не реализуется с помощью видео или книг. Воображение дает стимул чувствам, когда путешественник окружен ландшафтами, стенами, вещами, остатками трагедии.

Раскрепощение и избегание организованного туризма

Критика массового туризма обращает внимание на неаутентичную природу большинства туристических впечатлений. Типичные места туристического назначения похожи на пузыри: безопасные, контролируемые и медиатизированные среды, которые напоминают симуляционные виртуальные (интернет) пространства (Ostwald, 2001). М. Оже называет тематические парки, казино, торговые центры, аэропорты и курорты выдуманными «не-местами», поскольку они практически не имеют исторической или культурной связи с той территорией, на которой расположены (Оже, 2017). Поиск уникальных впечатлений от путешествий приводит к включению в маршруты «стигматизированных», руинизированных мест, но имеющих судьбу и историю. Привыкшие к разнообразию наши современники уже хотят не только исследовать другие пространства, культуры и опыт, но и попробовать другие идентичности. Желание более полно погрузиться в нечто совершенно иное, испытать новое или даже отдохнуть от самого себя — все это эксперименты на пути к маргинальным пространствам.

В наводящих на размышления работах о туризме Д. Макканелла высказываются идеи, почему туристу так важно посетить достопримечательности: ритм мегаполиса подавляет восприятие, а достопримечательности являются знаками подлинности. Общая тревога по поводу подлинности города и межличностных отношений сочетается с уверенностью в подлинности мест с историей. Риторика туристов полна констатаций подлинности того, что они ви-

дят: это типичный туземный дом, это настоящая ручка, которой подписывали закон, это оригинал рукописи и т. д. (MacCannell, 2011). Применительно к немусеефицированным руинам идея о значимости подлинности еще более продуктивна, поскольку путешественник попадает в неокультуренные профессионалами пространства.

Повсеместный интерес к руинам во многом происходит из современной критики санитированной городской среды, в которой диапазон сенсорных ощущений регулируется институтами власти и бизнеса. «Горизонты вымирания» заброшенных мест дают нам контрастирующие чувственные переживания. В заброшенных пространствах тело освобождается от обычных перформативных ограничений города и может двигаться импровизированно через множество текстур, воспринимать удивляющие запахи, звуки, перспективы, которые нарушают нормативные городские эстетические традиции.

Заключение

Окружающая инфраструктурная и архитектурная среда поддерживает различные модальности человеческих эмоций. Пространственные ощущения оказываются крайне важными для людей и подталкивают к прогулкам, походам и путешествиям. Как это ни удивительно, но в разрастающемся перечне современных маршрутов сложилось направление «к руинам», т. е. посещение ландшафтов, покинутых людьми. Заинтересованные профессионалы от урбанистики обсуждают популярность альтернативных практик путешествия, видя в них поиск чего-то нетривиального и даже критическую экологическую активность. Посылком к исследованию руин стала критика модерности, индустриального роста и прогресса, благодаря чему места без развития и всевозможные «ржавые пояса» оказались в зоне внимания и арт-популяризации.

Собранный в статье материал акцентирует подход к посещению заброшенных пространств с точки зрения эмоций. Места, у которых все осталось в прошлом, детерминируют ностальгические переживания, их завораживающий ландшафт материализует историю, политику, быт, которые были важны когда-то. В руинах история становится опытом места, а технические и архитектурные объекты — элементами большого нарратива. Есть в увлечении «заброшкой» и эмоциональный протест против машины города. Зрелище и эстетизация свойственны не только ухоженным и легитимным туристическим местам, они есть и у объектов, подвергшихся распаду. Кроме того, руины окружены аурой подлинности.

Высказанные гипотезы и представленные понятия открывают перспективу для дальнейшего эмпирического освоения темы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамов Р. Н. Семиотические ландшафты посткоммунистической ностальгии: на примере музеефикации советского прошлого // *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты.* 2020. № 1(41). С. 126—151.

Дебор Г.-Э. Введение в критику городской географии // *Антология современного анархизма и левого радикализма.* Т. 1. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 241—246.

Желнина А. А. «Гетто в хорошем смысле» против «бетонного гетто»: районные дискурсы и реновация в Москве // *Городские исследования и практики.* 2019. Т. 4. № 2. С. 24—36.

Каменский С. Ю. «Глубокий» туризм: от тур-продукта к тур-приключению // Современная Россия: путь к миру — путь к себе: Материалы XI всероссийской науч.-практич. конф. Гуманитарного университета. Т 2. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2008. С. 491—494.

Минина О. Ю. Туризм: от городской субкультуры к «трансубкультуре» // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 3. С. 100—114.

Ненько А. Е., Курилова М. А., Подкорытова М. И. Анализ эмоционального восприятия территорий и развитие «умного города» // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Vol. 8. No. 11. С. 128—133.

Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

Парийчук А. В. Хиппи и самостоятельный туризм как субкультуры советского общества // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации: Материалы XIV всероссийской науч.-практич. конф. Т. 2. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2011. С. 506—510.

Щеглов И. Катехизис нового урбанизма // Художественный журнал. 1999. № 24. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/75/article/1629>. Ссылка активна на 10.06.2022.

Эллард К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Паблишер, 2017. 288 с.

Acott T. G., La Trobe H. L., Howard S. H. An Evaluation of Deep Ecotourism and Shallow Ecotourism // Journal of Sustainable Tourism. 1998. Vol. 6. No. 3. P. 238—253. DOI: 10.1080/09669589808667314.

Adli M., Berger E., Brakemeier L., Engel J., Fingerhut A., Gomez-Carrillo R., Hehl A., Heinz J., Mayer H., Mehran N. et al. Neurourbanism: Towards a new discipline // The Lancet Psychiatry. 2017. Vol. 4. No. 3. P. 183—185.

Brown K. Dispatches from Dystopia: Histories of Places Not Yet Forgotten. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 198 p.

Dorsey E. R., Steeves H. L., Porras L. E. Advertising ecotourism on the internet: commodifying environment and culture // New Media & Society. 2015. Vol. 6. No. 6. P. 753—779.

Emotional Geographies / Ed. by L. Bondi, J. Davidson, M. Smith. London: Routledge, 2016. 272 p.

Foley M., Lennon J. J. Editorial: Heart of Darkness // International Journal of Heritage Studies. 1996. Vol. 2. No. 4. P. 198—211.

Huyssen A. Nostalgia for Ruins // Grey Room. 2006. No. 23. P. 6—21.

Lam T. Abandoned Futures: A Journey to the Posthuman World. Carpet Bombing Culture, 2013. 192 p.

Lam T. Futures and Ruins: The Politics, Aesthetics, and Temporality of Infrastructure Made in China Journal. 2019. 23 July. URL: <https://madeinchinajournal.com/2019/07/23/futures-and-ruins%E2%82%AC%80-the-politics-aesthetics-and-temporality-of-infrastructure/> Ссылка активна на 10.06.2022.

MacCannell D. The Ethics of Sightseeing. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2011. 288 p.

McGrath J. Apocalypse, or, the Logic of Late Anthropocene Ruins // Cross-Currents: East Asian History and Culture Review. 2014. No. 10. P. 113—119.

Menshikov A., Purgina E. Sights and scars of imagined geography: Journeys through environmental disasters in Post-Soviet counties // Green Letters. 2021. Vol. 25. No. 3. P. 299—312.

Ostwald M. Identity Tourism, Virtuality and the Theme Park // Virtual Globalization: Virtual spaces/Tourist Spaces / Ed. by D. Holmes. London: Routledge, 2001. P. 192—204.

Ruin Porn and the Obsession with Decay / Ed. by S. Lyons. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 175 p.

Seaton T. From Thanatopsis to Thanatourism: Guided by the Dark // *International Journal Heritage Studies*. 1996. Vol. 2. No. 4. P. 234—244.

Trigg D. *The Aesthetics of Decay: Nothingness, nostalgia and the absence of reason*. NY: Peter Lang, 2006. 300 p.

Research Article

Olga V. Sergeeva

Doctor of Social Sciences, Leading Researcher, Sector of Socio-Urban Studies, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 25/14, 7, Krasnoarmeyskaya st., Saint Petersburg, 190005, Russia;
ORCID: 0000-0002-8093-609X; e-mail: o.sergeeva@socinst.ru

VISITING ABANDONED SPACES IN THE PERSPECTIVE OF EMOTION STUDIES

Abstract. The article interprets the practice of visiting abandoned objects and spaces from the standpoint of emotion studies. Previously, the author characterizes the theoretical background on the topic, which is connected with such concepts as “dark tourism”, “deep tourism”, “ecotourism”. Speaking about ruin emotions, the author explains the connection between interest in them and nostalgia, which always has not only a temporal, but also a spatial dimension. Nostalgia near collapsing objects can be reflexive and enters a broader discourse about trauma, failed reforms, and social crises. Thrill-seeking is another emotionally rooted motive in “disaster tourism”. The ruin landscapes are filled with the charm of anti-progress, they can shock, but this is precisely what attracts modern citizens. According to the author opinion, the discussion about the ruined territories, including in the perspective of emotions, is one of the current trends in urban studies. It means the interest to symbiosis of various subjects and places.

Keywords: ruins, emotions, urban boredom, “dark tourism”, psychogeography, nostalgia, aesthetics of the ugly, “rusty belt”.

For citation: Sergeeva O. V. (2022) Visiting abandoned spaces in the perspective of emotion studies. *Sotsiologiya Goroda* [Urban Sociology], no. 1-2, pp. 5—14 (in Russian). DOI: 10.35211/19943520_2022_1-2_5

REFERENCES

- Abramov R. N. (2020) Semiotic landscapes of post-communist nostalgia: an example of museification of the Soviet past. [Chelovek: Obraz i suschnost'. Gumanitarnyye aspekty] *Human Being: Image and Essence*. Humanitarian Aspects, no. 1, pp. 126—151 (in Russian).
- Acott T. G., La Trobe H. L., Howard S. H. (1998) An Evaluation of Deep Ecotourism and Shallow Ecotourism. *Journal of Sustainable Tourism*, vol. 6, no. 3, pp. 238—253.
- Adli M., Berger E., Brakemeier L., Engel J., Fingerhut A., Gomez-Carrillo R., Hehl A., Heinz J., Mayer H., Mehran N. (2017) Neurourbanism: Towards a new discipline. *The Lancet Psychiatry*, vol. 4, no. 3, pp. 183—185.
- Auge M. (1995) *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London: Verso. 122 p.
- Bondi L., Davidson J., Smith M. (eds.). (2016) *Emotional Geographies*. London: Routledge. 272 p.
- Brown K. (2015) *Dispatches from Dystopia: Histories of Places Not Yet Forgotten*. Chicago: University of Chicago Press. 198 p.

- Debord G. (2003) Introduction to Criticism of Urban Geography. *Anthology of Contemporary Anarchism and Left Radicalism*. Vol. 1. Moscow: Ul'tra. Kul'tura. Pp. 241—246 (in Russian).
- Dorsey E. R., Steeves H. L., Porras L. E. (2015) Advertising ecotourism on the internet: commodifying environment and culture. *New Media & Society*, vol. 6, no. 6, pp. 753—779.
- Ellard C. (2015) *Places of the heart: the psychogeography of everyday life*. New York: Bellevue Literary Press. 240 p.
- Foley M., Lennon J. J. (1996). Editorial: Heart of Darkness. *International Journal of Heritage Studies*, vol. 2, no. 4, pp. 198—211.
- Huyssen A. (2006) Nostalgia for Ruins. *Grey Room*, no. 23, pp. 6—21.
- Kamenskii S. Yu. (2008) “Deep” tourism: from a tour product to a tour adventure. *Sovremennaya Rossiya: put' k miru — put' k sebe: Materialy XI vserossiiskoi nauch.-praktich. konf. Gumanitarnogo universiteta. T 2* [Modern Russia: the way to the world as the way to yourself: Materials of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference of the Humanitarian University. Vol. 2]. Ekaterinburg: Humanitarian University, pp. 491—494 (in Russian).
- Lam T. (2013) *Abandoned Futures: A Journey to the Posthuman World*. Carpet Bombing Culture, 192 p.
- Lam T. (2019) Futures and Ruins: The Politics, Aesthetics, and Temporality of Infrastructure. *Made in China Journal*. 23 July. URL: <https://madeinchinajournal.com/2019/07/23/futures-and-ruins%E2%BB%BF-the-politics-aesthetics-and-temporality-of-infrastructure/> Accessed: 20.06.2022.
- Lyons S. (ed.) (2018) *Ruin Porn and the Obsession with Decay*. Cham: Palgrave Macmillan, 175 p.
- MacCannell D. (2011) *The Ethics of Sightseeing*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 288 p.
- McGrath J. (2014) Apocalypse, or, the Logic of Late Anthropocene Ruins. *Cross-Currents: East Asian History and Culture Review*, no. 10, pp. 113—119.
- Menshikov A., Purgina E. (2021) Sights and scars of imagined geography: Journeys through environmental disasters in Post-Soviet counties. *Green Letters*, vol. 25, no. 3, pp. 299—312.
- Minina O. Yu. (2016) Tourism: from the urban subculture to “transsubculture”. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Liberal Arts University], no. 3, pp. 100—114 (in Russian).
- Nenko A., Podkorytova M., Kurilova M. (2020) Analysis of emotional perception of urban spaces and “Smart city” development. [*International Journal of Open Information Technologies*], vol. 8, no. 11, pp. 128—133 (in Russian).
- Ostwald M. (2001) Identity Tourism, Virtuality and the Theme Park. In: D. Holmes (ed.). *Virtual Globalization: Virtual spaces/Tourist Spaces*. London: Routledge. Pp. 192—204.
- Parijchuk A. V. (2011) Hippies and amateur tourism as subcultures of the Soviet society. *20 years of Post-Soviet Russia: crisis phenomena and modernization mechanisms: Proceedings of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference*. Vol. 2. Ekaterinburg: Humanitarian University. Pp. 506—510 (in Russian).
- Seaton T. (1996) From Thanatopsis to Thanatourism: Guided by the Dark. *International Journal Heritage Studies*, vol. 2, no. 4, pp. 234—244.
- Shheglov I. (1999) Catechism of New Urbanism. [Khudozhestvennyi zhurnal] *Art Magazine*, no. 24. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/75/article/1629> Accessed: 20.06.2022 (in Russian).
- Trigg D. (2006) *The Aesthetics of Decay: Nothingness, nostalgia and the absence of reason*. NY: Peter Lang. 300 p.
- Zhel'nina A. (2019) Ghetto in a “Good Sense” versus “The Concrete Ghetto”: Neighborhood Discourses and Renovation in Moscow. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 4, no. 2, pp. 21—36 (in Russian).

Поступила в редакцию 01.07.2022
 Принята в печать 18.07.2022

Received: 01.07.2022
 Accepted for publication: 18.07.2022